

УДК 821.161.1.09 “18”-“19”
DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.02

Л. Люка

Тема смерти в произведениях И. А. Гончарова

В статье рассматривается тема смерти в произведениях И. А. Гончарова, в том числе на примере известного романа-путешествия «Фрегат “Паллада”», рассказа «Лихая болеть», романов «Обыкновенная история» и «Обломов». Цель настоящей работы — показать, как последовательно и беспристрастно писатель осмысливает тему смерти. Автор статьи отмечает писательскую дистанцию по отношению к феномену смерти. Более всего Гончаров избегает описания трагических, патетических аспектов ухода из жизни. Христианское видение писателя является ключевым для понимания заявленной нами проблематики. Особенно ярко прослеживается христианская любовь Гончарова к жизни и человеку. В заключении статьи говорится, что автор-повествователь стремился найти равновесие в изображении жизни и смерти.

Ключевые слова: И. А. Гончаров; смерть; «Обыкновенная история»; «Фрегат “Паллада”»; «Обломов».

В настоящей статье мы рассмотрим образ смерти в произведениях И. А. Гончарова. Некоторые литературоведы, в том числе А. Г. Цейтлин [11], В. И. Мельник [6], Н. И. Пруцков [9], Е. А. Ляцкий [5], В. А. Недзвецкий [7], М. Эре [13], Г. Димент [14], А. Мазон [15], Дж. Блот [12] уже затрагивали проблему смерти у И. А. Гончарова, однако в основном их анализ касался романа «Обломов». Цель настоящей статьи — частично восполнить этот пробел, обратившись к другим произведениям писателя.

По мнению Гончарова, смерть является в большинстве случаев так называемым не-событием, или событием настолько естественным, неизбежным, что о нем не следует говорить. Как справедливо отметил А. Г. Цейтлин, смерть для Гончарова «только конец жизни; он говорит о ней кратко и почти безразлично» [11, с. 325]. Тот факт, что у И. А. Гончарова «жизнь и смерть в равной степени представляют собой неоспоримый феномен» [16, с. 373], отмечает Э. Рапп, в связи с чем интересно проследить, как именно писатель разрабатывает тему смерти в своих произведениях.

Впервые исследуемая нами тема появляется в рассказе «Лихая болеть» (1838). Кончина дяди главного героя происходит после того, как он узнает о смерти любимой коровы. Несоответствие причины и следствия придает комический характер происшедшему. Герой рассказа Тяжеленко умирает от обжорства (похожий сюжет можно обнаружить в рассказе А. П. Чехова «О бренности (Масленичная тема для проповеди)» (1886), в котором главный герой

также погибает от обжорства [2, т. 4, с. 362]). У Гончарова читаем: «Это случилось с ним, — пишет доктор, — с пятнадцатого на шестнадцатое марта, ночью. Волобоенко в страхе прибежал ко мне с известием, что его барину “пришло дурно”; глаза подкатились под лоб, а сам весь посинел. Я бросился к нему и действительно нашел Никона Устиновича в отчаянном положении; он не мог произнести ни слова, а только глухо стонал; после четырех кровопусканий я успел привести его в чувства, но... <...> Другой апоплексический удар, последовавший вскоре за первым, лишил его жизни» [1, т. 1, с. 63].

Безусловно, Гончаров вряд ли задумывал подробное описание предсмертных мук в первом своем юмористическом произведении. Впрочем, и в дальнейшем, несмотря на то что писатель отходит от области чисто комического, он продолжает изображать смерть, избавляя читателя от соприкосновения с ее трагической, ужасающей стороной. Чтобы объявить об уходе героя из жизни, автор зачастую довольствуется одной строкой, как, например, когда речь идет о матери Александра Адуева в романе «Обыкновенная история»: «Он метался от тоски и не знал, как сказать матери о намерении ехать. Но мать вскоре избавила его от этого труда: она умерла» [1, т. 1, с. 448]. Писатель косвенно дает понять, что мать умирает для того, чтобы «способствовать» отъезду героя в Санкт-Петербург. В то же время ее смерть избавляет систему персонажей от ненужной фигуры героини, которая не вписывается в дальнейшее развитие сюжета: «Месяца три назад скончалась матушка: больше не прибавлю ни слова. Вы по письмам ее знаете, что она была для меня, и поймете, чего я лишился в ней» [1, т. 1, с. 448–449].

Становится очевидно, что читатель не чувствует горечи потери Адуева, так как автор использует минимальное количество изобразительных средств для описания скорби героя. В романах Гончарова философские рассуждения на тему смерти порой переходят в юмористические. Впоследствии в «Обыкновенной истории» Адуев, который готовился покончить жизнь самоубийством, отказывается от этой идеи из-за отсутствия достаточного количества воды в пруду: «Зачем я живу? — громко сказал он, — отвратительная, убийственная жизнь! А я, я... нет! если у меня не достало твердости устоять против оболыщения... то достанет духу прекратить это бесполезное, позорное существование... Он скорыми шагами подошел к речке. Она была черна. По волнам перебежали какие-то длинные, фантастические, уродливые тени. Берег, где стоял Александр, был мелок. — Тут и умереть нельзя! — сказал он презрительно» [1, т. 1, с. 408]. Перед нами открывается видение смерти, далекое от героических пассажей романтиков и сентименталистов. Речь идет о выборе писателя, сделанном в пользу определенной дистанции при описании трагических событий бытийного характера.

Характерные примеры, приоткрывающие взгляд на нетривиальный выбор автора, мы находим в романе «Фрегат “Паллада”». Путешествие вокруг света в самом деле позволило Гончарову обратиться к теме смерти и, как представляется, раскрыть ее в трагическом ключе, не избегая жестоких описаний.

Столкнувшись с трудностями существования в море, повествователь размышляет о скоротечности жизни моряка, находящегося во власти океана, подчеркивает всемогущество законов природы. После отплытия судна автор-повествователь становится свидетелем смерти матроса: «На фрегате открылась холера, и мы, дойдя только до Дании, похоронили троих людей, да один смелый матрос сорвался в бурную погоду в море и утонул. Таково было наше обручение с морем, и предсказание моего слуги отчасти сбылось. Подать упавшему помощь, не жертвуя другими людьми, по причине сильного волнения, было невозможно» [1, т. 2, с. 23]. Использование слова «обручение» подчеркивает наличие фаталистического отношения писателя-путешественника к смерти моряков. Смерть — часть естественного процесса жизни, и повествователь принимает ее вполне беспристрастно. Осознавая трагическую (и комическую) сторону жизни и смерти, автор продолжает с некоторым отстранением: «Наконец следует смерть, которая везде следует; здесь только быстрее, нежели где-нибудь» [1, т. 2, с. 36].

Писатель не пытается анализировать, а только представляет читателю картину жизни и смерти на фрегате. Его взгляд на феномен, который издавна является источником тревог и человеческих терзаний, в достаточной мере философский и уравновешенный.

Смерть в этом романе Гончарова — не только физиологический процесс, она вписана в социальный, а также, как ни странно, в дипломатический контекст. Прибыв к берегам Японии, русский фрегат должен дожидаться официального разрешения для захода в порт Нагасаки. Долгое ожидание завершается визитом на корабль японских чиновников, которые объявляют о смерти сиогуна, политического и военного правителя страны. Это событие приобретает трагикомическую окраску, о чем говорит отношение к нему трех членов японской делегации, которые улыбаются и смеются, сообщая о кончине политического вождя: «Кичибе, с своей улыбкой, с ясным взглядом и наклоненной головой, просто, без вздохов и печали, объявил, что сиогун, ни больше, ни меньше, как gestorben — умер!» [1, т. 2, с. 378]. Разумеется, можно объяснить (отчасти) поразительную реакцию представителей японской стороны на весть о смерти культурными различиями, как и сам смех, который иногда свидетельствует о замешательстве. Приведенный эпизод является, пожалуй, частью нарративного выбора писателя, как и почти сюрреалистическое развитие этой подчеркнуто дипломатической встречи. Повествователь пытается создать или усилить разрыв между изначальной ситуацией, являющейся а priori трагической, и реальностью, в которой смехотворность, нелепость выходят на первый план. Эпизод объявления о смерти сиогуна подтверждает намерение писателя показать дистанцирование людей от темы смерти. О печальном событии быстро забывают за чашкой чая или настойки: «Потом им подали чаю и наливки. Они выпили по рюмке, подняли головы, оставили печальный тон, заговорили весело, зевали кругом на стены, на картины, на мебель; совсем развеселились; печали ни следа, так что мы стали догадываться, не хитрят ли

они, не выдумали ли, если не все, так эпоху события. По их словам, сиогун умер 14 августа, а мы пришли 10-го. Может быть, он умер и в прошлом году, а они сказали, что теперь, в надежде, не уйдем ли» [1, т. 2, с. 379].

Сообщение о смерти сиогунана становится частью дипломатических маневров, шуток и надувательства. Теряется ощущение ее сакральности, значимости, на первый план выдвигается фарсовое и комическое. Если речь действительно идет о переговорах на высшем уровне и о последующих соглашениях, важных для Российской империи, серьезность, которая зачастую придается такого типа встречам, вовсе не сопутствует страницам, посвященным изображению беседы русских и японцев. Изображение угощения для писателя, бесспорно, представляет куда больший интерес, чем изображение смерти.

Следуя той же логике, Гончаров не отводит много места описанию религиозных обрядов и похоронных церемоний. Чрезвычайно редкие и краткие обращения к изображению смерти, похоронных обрядов погружены большей частью в отстраненный или насмешливый контекст. Во время своего визита в Шанхай русские случайно становятся свидетелями китайской погребальной церемонии, которую автор описывает следующим образом: «Пробираясь через большое поле гуськом, по узенькой тропинке, мы вдруг остановились все четверо. Вдали шла процессия: носильщики несли... сундук не сундук — “гроб”, — сказал кто-то. <...> Дети робко смотрели на гроб, собака с повисшим хвостом, увидя нас, тихо заворчала. <...>. На месте, где поставили гроб, не было могилы. Китайцы сначала оставляют гробы просто, иногда даже открытыми, и потом уже хоронят» [1, т. 2, с. 439–440].

Детали в этих описаниях позволяют не только усилить реализм всей картины, но и создать значительную дистанцию между наблюдателем и наблюдаемым (вспомним упоминание о собаке). Эмоциональный аспект, который чаще всего ассоциируется со смертью человека, исчезает из таких описаний смерти как физического явления, неотвратимого и обыденного. Так, рассказ о гибели девочки от укуса змеи в Кейптауне является кратким эпизодом, в котором сочетаются экзотика и фатализм: «Вообще колония изобилует змеями; между ними много ядовитых и, между прочим, известная кобра-капелла. В Стелленбоше Ферстфельд сказывал нам, что, за несколько дней перед нами, восьмилетняя девочка сунула руку в нору ящерицы, как казалось ей, но оттуда выскочила очковая змея и ужалила ее. Девочка чрез полчаса умерла» [1, т. 2, с. 213].

Очевидно, что И. А. Гончаров не ставил перед собой цели создания философского трактата о загробной жизни или изображения чрезмерного сострадания к незнакомке. Эта же дистанция наблюдается не только в упоминаниях о единичных смертях, но и когда дело касается описания конфликтов между голландцами, англичанами и африканскими племенами. Аборигены, получив подарки от европейцев, готовы «перерезать врагов своих, а после этой трагической развязки» скрыться «в глубину страны — до новой комедии, то есть до заключения мира» [1, т. 2, с. 156].

Война, мир и смерть, по мнению Гончарова, могли бы составить плохую комедию, но на деле оказались трагической реальностью, на которую автор смотрит хладнокровно и отстраненно. Если писатель изображает динамическую картину столкновений, которые наносят ущерб Капской колонии, и подчеркивает борьбу различных политических сил за влияние, то его объяснения остаются весьма сухими и фактическими, раскрывающими геополитическую расстановку сил, но не касаются человеческого измерения упомянутых конфликтов и их последствий.

У И. А. Гончарова рациональное в изображении смерти преобладает над эмоциональной стороной. Единственный абзац, посвященный насильственности смерти, касается расправы моряков с акулой и выглядит несколько иронично: «Акула изменила только направление, но все изгибалась и ползла так же скоро и сильно, как и прежде. Другой ударил топором ниже головы: животное присмирело и поползло медленнее. “Руби голову, руби голову!” — кричали ему. Матрос нанес другой удар: она сильно рванулась вперед; он ударил в третий раз: она рванулась еще, но слабее. “Нет, теперь шабаш!” — сказал он, отделяя четвертым ударом голову от туловища. Но и то не шабаш: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабее и слабее, а голова судорожно шевелила челюстями. В туловище воткнули гандшпуг и унесли. Все разошлись» [1, т. 2, с. 592].

Дистанция писателя относительно избранной нами темы достигает предела в описании ритуального японского самоубийства — харакири. Романист отстраненно описывает традиционный, кодифицированный ритуал: «Я полагаю так, судя по тому, что один из нагасакских губернаторов несколько лет назад распорол себе брюхо оттого, что командир английского судна не хотел принять присланных чрез этого губернатора подарков от японского двора. Губернатору приказано было отдать подарки, капитан не принял, и губернатор остался виноват, зачем не отдал. Вскрывать себе брюхо — самый употребительный здесь способ умирать поневоле, по крайней мере так было в прежние времена. Заупрямься кто сделать это, правительство принимает этот труд на себя; но тогда виновный, кроме позора публичной казни, подвергается лишению имения, и это падает на его семейство. Кто-то из путешественников рассказывает, что здесь в круг воспитания молодых людей входило, между прочим, искусство ловко, сразу распарывать себе брюхо. Впоследствии, при случае как-нибудь, расскажу об этом, что узнаю, подробнее. Теперь некогда» [1, т. 2, с. 316–317].

Тон повествователя, разоблачающего ритуальный флёр, окутывающий смерть, становится язвительным, порой даже жестоким. Перечисленные сцены создают впечатление некоторой театральности в романе, которая «проявляется прежде всего в поведенческой сфере именно как феномен, противоположный обыденному, бытовому» [3, с. 30]. Описания приближаются к гротескным, таково же объяснение как причины, так и самого акта смерти, который японцы почитают сродни произведению искусства, если он выполнен с должной

ловкостью. В построении этого отрывка нет места случайности: если повествователь настаивает, что у него не хватило времени для изложения подробностей, то делает он это для того, чтобы вернуться к ним впоследствии. Следует помнить, что «Фрегат “Паллада”» не есть настоящий путевой журнал, а является литературным произведением, тщательно обработанным и структурированным. Исследователь творчества Гончарова В. И. Мельник объясняет решение не включать описания самых драматичных событий, случившихся на корабле [6, с. 186–187]. Таким образом автор неоднократно возвращался к данному событию, придавая описанию черты отстраненности и дистанцированности: «Я не раз упомянул о разрезывании брюха. Кажется, теперь этот обычай употребляется реже. После нашего прихода, когда правительство убедится, что и ему самому, не только подданным, придется изменить многое у себя, конечно будут пороть брюхо еще реже. А вот пока что говорит об этом обычай мой ученый источник, из которого я привел некоторые места в начале этого письма. “Каким же образом тое отправляется, как себе чрево распарывать, таким: собирают своих родителей и вместе идут в пагод, посреди того пагода постилают циновки и ковры, на тех садятся и пиршествуют, на прощании ядят иждивительно и сладко, а пьют много. И как уже пир окончится, тот, который должен умереть, встает и разрезывается накрест, так что его внутренняя вся вон выходят. Которыя ж смелые, то, по таком действии, и глотку себе перерезывают. Думаю, что разных образцов, как себе чрево распарывать, между ими боле до пятьдесяти восходит”» [1, т. 2, с. 354].

Из-под пера романиста выходит хладнокровное и отчужденное описание ритуала самоубийства, известного своей величайшей жестокостью. Это свидетельствует о том, что у Гончарова смерть предстает как событие неизбежное, почти что отсутствие всякого события (не-событие). Писатель, благодаря которому читатель XIX в. узнает об обычаях Японии, дистанцируется от трагизма ритуалов этой далекой и овейной тайнами страны. И снова всплывают подробности, одновременно мрачные и комичные, придающие повествованию сюрреалистический характер. Такие описания хакари могут рассматриваться в рамках общего замысла писателя избавиться от сознания ужасающего масштаба, который принимает смерть. Поговорив об искусстве, автор обращается к ремеслам, чтобы восхвалить качество японских мечей: «...самым замечательным и дорогим подарком была сабля, и по достоинству, и по значению. <...> Клинки у них испытываются, если Эйноске не лгал, палачом над преступниками. Мастер отдает их, по выделке, прямо палачу, а тот пробует, сколько голов (!?) можно перерубить разом. Мастер чеканит число голов на клинке. Это будто бы и служит у них оценкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубает, как говорил Эйноске, три головы» [1, т. 2, с. 469].

Эта склонность смеяться над жестокостью смерти происходит, возможно, от стремления писателя провести конец своих дней спокойно и безмятежно. И все же мы полагаем, что именно в романе «Обломов» И. А. Гончаров наилучшим образом представляет смерть как умиротворение, отдых.

Обращает на себя внимание тот факт, что читатель не присутствует при последних минутах жизни Обломова. Как верно отмечает М. В. Отрадин, о смерти Ильи Ильича сообщается как о том, что уже случилось и случилось давно, три года тому назад [8, с. 145]. Спокойствие и умиротворенность являются структурными элементами видения смерти в произведениях Гончарова. Писатель сосредоточивает внимание на процессе постепенного ухудшения состояния Обломова. Автор сравнивает его с механизмом, который сломался, придавая негативную коннотацию «механическому» образу жизни, который он уже явно подвергал критике во «Фрегате “Паллада”». Смерть предстает событием безболезненным, последовательным, неизбежным: «Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести» [1, т. 4, с. 485]. Конец жизни Обломова является медленным затуханием, которое по многим причинам сродни идеальной смерти без страданий. Комментируя видение смерти писателем в «Обломове», Е. А. Краснощекова настаивает на том, что «в жизни покоя нет, он лишь иллюзия, только со смертью наступает невидимый, а подлинный покой» [4, с. 329]. Безусловно, герой страшится надвигающейся смерти, однако И. А. Гончаров настойчиво напоминает о ее замедленном приходе, где беспокойство занимает весьма ограниченное место. Именно этот факт подчеркивает А. Г. Цейтлин, отмечая, что «мы не найдем у Гончарова ужаса его героев перед смертью, хотя они и не хотят ее прихода» [11, с. 325].

Такое отношение И. А. Гончарова к теме смерти прослеживается во всех его произведениях. По мнению М. Ф. Суперанского, исследовавшего письмо писателя на пороге его кончины, «в общем, к неизбежному концу он относится спокойно, стоически или — вернее — по-христиански, и даже (по своему обыкновению, над всем шутить) шутит над собою и своей близкой смертью» [10, с. 622]. Принятие смерти Гончаровым в рамках его литературных произведений и в жизни проистекает из причудливого синтеза его христианского видения и способности философски воспринимать вполне естественный феномен. Следует отметить, что более, чем что-либо другое, он «любит жизнь, которую он рисует во всех ее фазах, от колыбели до непривлекательной, но неизбежной и потому нестрашной могилы» [11, с. 326].

Библиографический список

Источники

1. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / гл. ред. В. А. Туниманов; РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 1997—.
2. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков и [др.]; АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1983.

Литература

3. Колбасин В. Н. Игровое начало в творческом методе А. С. Пушкина // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 28–35.

4. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
5. Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. 3-е изд. Стокгольм: Северные огни, 1920. 377 с.
6. Мельник В. И. Гончаров и православие: Духовный мир писателя. М.: Даръ, 2008. 544 с.
7. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М.: Изд-во МГУ, 1992, 175 с.
8. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 1994, 169 с.
9. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.
10. Суперанский М. Ф. «Болезнь Гончарова: Неизданная статья» [1923] / предисл. В. А. Недзвецкого; публ. и коммент. М. И. Трепалиной // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 574–634.
11. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.
12. Blot J. Ivan Gontcharov, ou le réalisme impossible. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1986. 203 с. (Slavica).
13. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press, 1973. IX, 295 p. (Studies of the Russ. Inst. / Columbia Univ.).
14. Goncharov's «Oblomov»: A Critical Companion / ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1998. 200 p. (AATSEL Critical Companions to Russian Literature; Vol. 8).
15. Mazon A. Un maître de Roman russe: Ivan Gontcharov. Paris: Edouard Champion, 1914. 473 p.
16. Rapp H. The Art of Ivan Goncharov // The Slavonic and East European Review. 1958. Jun. Vol. 36. № 87. P. 370–395.
17. Setchkarev V. Ivan Gontcharov: His Life and His Works. Würzburg: Jal-Verlag, 1974. 339 p. (Colloquium slavicum; [Bd.] 4).

References

Istochniki

1. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / gl. red. V. A. Tunimanov; RAN; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). SPb.: Nauka, 1997–.
2. Chexov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. / redkol.: N. F. Bel'chikov i [dr.]; AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1974–1983.

Literatura

3. Kolbasin V. N. Igrovoe nachalo v tvorcheskom metode A. S. Pushkina // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 28–35.
4. Krasnoshheikova E. A. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.
5. Lyaczkiy E. A. Goncharov: Zhizn', lichnost', tvorchestvo. 3-e izd. Stokgol'm: Severny'e ogni, 1920. 377 s.

6. Mel'nik V. I. Goncharov i pravoslavie: Duxovny`j mir pisatelya. M.: Dar`, 2008. 544 c.
7. Nedzveczkij V. A. I. A. Goncharov — romanist i xudozhnik. M.: Izd-vo MGU, 1992. 175 c.
8. Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta. 1994, 169 c.
9. Pruczkov N. I. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 230 c.
10. Superanskij M. F. «Bolezn` Goncharova: Neizdannaya stat'ya» [1923] / predisl. V. A. Nedzveczkogo; publ. i komment. M. I. Trepalinoj // I. A. Goncharov. Novy'e materialy` i issledovaniya. M.: IMLI RAN; Nasledie, 2000. S. 574–634.
11. Cejtlin A. G. I. A. Goncharov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 492 s.
12. Blot J. Ivan Gontcharov, ou le réalisme impossible. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1986. 203 c. (Slavica).
13. Ehre M. Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press, 1973. IX, 295 p. (Studies of the Russ. Inst. / Columbia Univ.).
14. Goncharov's «Oblomov»: A Critical Companion / ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1998. 200 p. (AATSEL Critical Companions to Russian Literature; Vol. 8).
15. Mazon A. Un maître de Roman russe: Ivan Gontcharov. Paris: Edouard Champion, 1914. 473 p.
16. Rapp H. The Art of Ivan Goncharov // The Slavonic and East European Review. 1958. Jun. Vol. 36. № 87. P. 370–395.
17. Setchkarev V. Ivan Gontcharov: His Life and His Works. Würzburg: Jal-Verlag, 1974. 339 p. (Colloquium slavicum; [Bd.] 4).

L. Lucas

Death in Ivan Goncharov's Works

The article tackles the topic of death in Ivan Goncharov's literary works, notably in his travelogue «Frigate Pallada», a short-story «A Cruel Illness» and the novels «A Common Story» and «Oblomov». The paper seeks to demonstrate how Goncharov interprets the phenomenon of death and its meaning. The red line that is running throughout the literary works under study is the writer distancing from the phenomenon of death. Ivan Goncharov consistently evaded the tragic, pathetic aspects of death. It is the writer's Christian outlook that is key to regard the abovementioned issues. We emphasize Goncharov's Christian love for life and mankind. To conclude, it is worth highlighting that Goncharov is seeking peace and equilibrium, whether it is in life or death.

Keywords: Ivan Goncharov; death; «A Common Story»; «Frigate Pallada»; «Oblomov».